

Глава 2. Истоки, поведанные в кузне

Жар в горне не утихал годами. Те Сюань, полностью сосредоточившись, не отрывал взгляда от клинка, над которым трудился.левой рукой, защищённой широкой крагой, он крепко сжимал длинные клещи, удерживающие раскалённый металл, а правой мерно опускал тяжёлый молот — добрых полпуда веса. Каждый удар ложился точно туда, куда указывал наставник; сила, угол, замах — во всём сквозила предельная осторожность и выверенность.

Пот градом катился со лба, омывая обнажённое тело, но Те Сюань будто ничего не чувствовал. Кожаный фартук надёжно защищал его от летящей окалины. Всполохи пламени играли на мокрой от пота коже, выгодно подчёркивая литые мышцы предплечий и спины. С каждым взмахом и ударом под кожей перекачивались тугие узлы мускулов, создавая чёткий, почти скульптурный рельеф.

Молот падал вновь и вновь, выбивая снопы искр. Лицо Те Сюаня, и без того смуглое от природы, в отсветах огня казалось тёмным и суровым, словно сам чугу́н.

— Правее на два цуня. В треть силы, — скомандовал человек, которого Те Сюань называл Мастером.

Одетый точно так же, наставник держал в руках малый молоток, работая в паре с учеником и направляя его мощные удары. Пояс его был туго перетянут обычными холщовыми лентами. Сложением он разительно отличался от Те Сюаня: высокий, но иссохший, точно само время выжгло его плоть. Кожа, утратившая былую упругость, висела тяжёлыми складками, и лишь острый блеск глаз, соперничавший с яркостью углей, выдавал в нём мастера, чьё величие ещё не угасло.

В этой мрачной, залитой багровым светом кузне, где солнце было редким гостем, трудились ещё с десятков кузнецов. Здесь были и безусые подмастерья, и убелённые сединами старцы, равные по положению Мастеру Те. Каждый был занят своим делом, и в этой суе́те сквозило странное, суровое умиротворение.

У каждого горна стоял ученик, мерно качающий меха. Тяжёлые вздохи людей, налегающих на рычаги, сливались с ритмичным сопением мехов в единую, слаженную мелодию труда. Это была их земля, их маленькое царство. В купели огня и пота рождалось бесчисленное множество орудий, и каждый раз, когда работа была окончена, на лицах кузнецов расцветали скупые, но искренние улыбки.

Когда очередная ковка подошла к концу, Мастер Те, стоявший по другую сторону наковальни, наконец удовлетворённо кивнул:

— А-Сюань, в горн его.

Заготовку длиной почти в мужскую руку погрузили в алеющее нутро печи, среди раскалённых

углей. Те Сюань уложил клещи и молот в специальные пазы для инструментов и только тогда позволил себе вытереть пот со лба.

Мастер был очень стар. Хотя глаза его всё ещё горели внутренним огнём, держался он лишь на непоколебимой воле и преданности делу. Для этих мастеров, скрытых от взоров мира, высшей целью жизни было создание божественного оружия. Они были готовы отдать за это жизнь — лишь бы передать искусствоковки следующим поколениям.

В кузнице пахло только железом и дымом. Мастер вдыхал этот запах долгие десятилетия, привыкнув искать в нём свои мечты. Сейчас всё, чего он желал — чтобы его самый талантливый ученик перенял все его знания. И даже если сам старик сойдёт в могилу, не достигнув желаемого, Те Сюань сможет завершить его труд.

— А-Сюань, иди, присядь, отдохни, — Мастер ласково посмотрел на ученика и похлопал по пустому месту рядом с собой.

Те Сюань, добродушно улыбнувшись, уселся рядом. Подняв стоявший неподалёку большой кувшин, он разлил прохладный чай по двум фарфоровым чашкам и почтительно протянул одну наставнику.

— Мастер, выпейте сперва вы...

Старик с довольным видом принял подношение и осушил чашу одним глотком. «Мой ученик не только одарён, но и добр сердцем, — подумал он. — Ему нужно лишь немного опыта, и со временем он станет великим мастером». Только в такие моменты в движениях старика ещё можно было уловить былую удаль и величие.

Кузнецы сидели небольшими группами, вполголоса переговариваясь и смеясь, а огонь в горнах продолжал яростно пылать, будто не собирался гаснуть вовеки. Те Сюань жадно пил чай, время от времени вытирая тыльной стороной ладони капли, стекавшие по подбородку.

— А-Сюань, мои дни сочтены, — внезапно вздохнул Мастер, и голос его зазвучал глухо и печально.

Услышав это, Те Сюань испуганно затряс головой:

— Мастер, что вы такое говорите! Вы же ещё крепче многих молодых.

Старик лишь печально улыбнулся:

— А-Сюань, не спорь. Сегодня я хочу поведать тебе нечто важное.

Ученик поставил чашку и приготовился внимать словам человека, которого бесконечно уважал.

— Хоть я и подобрал тебя на улице, я всегда растил тебя как родного сына. Да и остальные никогда не считали тебя чужаком... — Мужчины, сидевшие неподалёку, услышав голос старца, затихли и начали медленно подсаживаться ближе.

— Наш род происходит из народа Ва, жившего в горах Гаолигун на западе провинции Дяньси. Мы были многочисленны, но наша ветвь обосновалась в горном селении Луса. Мы достигли такого совершенства в ковке клинков, что со временем другие племена стали называть нас просто — людьми Луса.

Те Сюань никогда раньше не слышал от Мастера рассказов о прошлом, поэтому затаил дыхание, боясь пропустить хоть слово.

— Миру известны имена Оу Ецзи, Гань Цзяна и Мо Се, великих кузнецов древности. Многие мнят себя знатоками, но они подобны лягушкам на дне колодца — не видят, что талантов на свете гораздо больше. В землях Дяньси всегда было две школыковки: ножи Луса и ножи Иньцзиша. Мы не знали друг с другом, у каждого были свои секреты и сильные стороны, поэтому вражды между нами не водилось. Наше искусство ни в чём не уступало мастерству кузнецов Срединной равнины, жаль только, что там о нас почти никто не слышал. Меч — это оружие вана, правителя. Нож или сабля — оружие ба, тирана. У каждого своя мощь, но если соединить их достоинства, можно стать непобедимым под небесами... Меч и нож по сути своей неразделимы, но люди навесили на них оковы, разведя по разным сторонам. В этом мире полно лицемеров, жаждущих власти. Каждый хочет казаться благородным мужем, и со временем... меч стал главенствовать над всеми.

Те Сюань, хоть и вырос подле Мастера, умел лишь читать и писать самые простые знаки. Наставник говорил, что путьковки бесконечен, и если не знать грамоты, то как потом перенимать опыт других и передавать свои знания потомкам? Впервые Те Сюань слышал, чтобы старик говорил так книжно, и это казалось ему удивительным и важным. Впрочем, Мастер не использовал слишком заумных слов, так что ученик понимал его без труда.

— Мы, люди Луса, мирно жили в Дяньси и не помышляли о том, чтобы покинуть родные края. Но беды — и природные, и людские — обрушились на нас разом. Пришлось нам уйти на восток, вглубь Срединной равнины, и искать убежища здесь... — О причинах их изгнания старик упомянул вскользь, лишь на миг помрачнев. Те, кто был постарше, разделяли его печаль, а молодые кузнецы слушали, затаив дыхание.

— Пока люди Луса шли сюда, тяготы пути, болезни и старость отнимали наших сородичей. В конце концов мы осели в этом месте.

Мастер прервался, и Те Сюань, понимая его без слов, тут же поднёс чашку с чаем. Старик отпил немного и продолжил:

— Мы, люди Луса, искусны в ковке, но есть у нас одна тайна, которую запрещено раскрывать чужакам. Это искусство создания Семицветного клинка.

— Семицветный клинок? — переспросил Те Сюань.

Старик кивнул, и глаза его снова вспыхнули лихорадочным блеском:

— Да. Смысл жизни каждого мастера Луса — выковать такой клинок и передать знание об этом дальше.

— Для его создания нужны семь видов редкой железной руды разных оттенков. Их переплавляют в сталь, а затем путём бесконечных складываний и проковок соединяют в единое целое. Готовый клинок не только твёрд настолько, что способен раскалывать скалы, но и обладает невероятной статью. При свете дня по его телу пробегают радужные блики, семь цветов перетекают друг в друга... — Лицо старика приняло выражение благоговейного восторга. — Вот это и есть истинное сокровище, легендарное оружие!

Те Сюань невольно затрепетал, пытаясь представить, как выглядит такой клинок, заслуживший столь высокую похвалу наставника.

— Семицветный клинок прекрасен, но выковать его под силу лишь единицам, — голос Мастера снова стал тихим. — Последний такой меч был создан триста лет назад, и с тех пор его след затерялся. Искусствоковки передавалось из поколения в поколение, но оно стало мёртвым грузом, ведь никто больше не смог повторить этот подвиг.

— Мастер, неужели даже вы не смогли его выковать? — не удержался от вопроса Те Сюань.

Старик взглянул на любимого ученика и негромко рассмеялся:

— А-Сюань, я всего лишь обычный человек. Семицветный клинок мне уже не по зубам!

Сидящие вокруг кузнецы тоже заулыбались, и гнетущая атмосфера на миг рассеялась. Из их коротких реплик Те Сюань узнал, что и наставник когда-то в молодости был полон гордыни и пытался достичь мечты всех людей Луса. Почти десять лет он потратил только на то, чтобы собрать нужные материалы, но клинок так и не дался ему в руки. О былых трудностях Мастер говорил с улыбкой, но Те Сюань чувствовал, какая горечь скрывается за этими словами. Сколько десятилетий отмерено человеку? Старик желал этого всей душой, но силы его иссякли.

— Мастер, клянусь, в будущем я обязательно выкую Семицветный клинок и исполню ваше желание! — твёрдо произнёс Те Сюань. Его голос прозвучал как удар молота о наковальню.

Старик облегчённо улыбнулся и похлопал Те Сюаня по плечу своей мозолистой, тяжёлой

ладонью:

— Хороший ты парень. С характером. Гоуцзы, принеси-ка деревянный сундук из моей комнаты.

— Слушаюсь, Великий мастер! — Мужчина по имени Те Гоу вскочил на ноги. Он был на целую голову выше Те Сюаня, весь состоял из литых мышц, но лицо у него было доброе, с толстыми, доверчивыми губами. Говорили, что когда он родился, его мать первым делом увидела в углу железный крюк — так он и получил своё имя, «Железный крюк».

Обычно передача наследия требовала особой торжественности: омовения, воскурения благовоний, подношений предкам. Но в последнее время на сердце у старика было беспокойно. Предчувствие беды не оставляло его, и он решил не ждать. В конце концов, Те Сюань по крови не был из людей Луса, а значит, правило «передавать только своим» уже давно было нарушено. Одним нарушением больше, одним меньше — какая теперь разница?

По знаку наставника Те Сюань открыл невысокий деревянный сундук. Внутри аккуратно лежало множество материалов, но самыми приметными были семь стальных блоков размером с ладонь и толщиной в три пальца. На первый взгляд они казались одинаковыми — грязными, чёрными и невзрачными.

Мастер взял один из них и нежно погладил, словно любимую женщину. Остальные смотрели на это без удивления. Те Сюань знал, что наставник всю жизнь отдал кузнечному делу, так и не обзаведясь семьёй. Если бы он не подобрал мальчика тогда на дороге, ему и передать свои знания было бы некому. От этой мысли сердце Те Сюаня наполнилось ещё большим почтением.

— А-Сюань, истинный кузнец должен уметь преобразовывать свою внутреннюю силу и направлять её на ковку, чтобы раздвинуть границы возможного. Но эта сила не даётся просто так. Нужно трудиться и учиться долгие годы, — старик положил блок обратно и серьёзно посмотрел на ученика. — Ты помнишь слова той утренней гимнастики, которой я тебя учил?

Те Сюань кивнул:

— Помню, Мастер.

— Вот и славно, — Мастер довольно улыбнулся. — Секрет твоей неутомимости — именно в этих упражнениях. Никогда их не бросай.

Те Сюань и не думал пренебрегать ими. В его глазах старик был подобен незыблемой скале: всё, что он говорил, принималось как абсолютная истина.

— А-Сюань, ты уже давно мог бы работать большим молотом, но я заставлял тебя махать вторым молотком. Знаешь, почему?

Те Сюань покачал головой:

— Я не смею гадать, Мастер.

Старик ласково коснулся головы ученика. В этот миг он был не великим ремесленником, а просто любящим отцом:

— Мальчик мой, ты со мной уже столько лет, что перенял все мои технические приёмы. Но опыт... опыт нельзя просто выучить. Его нужно пропустить через себя. Моё время уходит, и я старался научить тебя всему, чему мог, но мне всё кажется, что времени нам не хватило...

— Мастер... — голос Те Сюаня дрогнул, он едва не разрыдался. — Я тугодум, зато силы у меня в достатке. Вы можете учить меня ещё долго...

Мужчины вокруг молчали. В их глазах не было зависти к тому, что чужак получает наследие Великого мастера — только глубокая печаль. Будто все они чувствовали приближение бури.

— Когда меня не будет рядом, помни: будь смелым, но внимательным к деталям! — Мастер улыбался, и казалось, вместе с передачей тайны с его плеч упала огромная ноша.

— Мастер, вы проживёте ещё долго, не гоните меня... — Те Сюань, не выдержав, рухнул на колени и трижды ударил челом оземь, отвечивая наставнику земные поклоны.

Старик принял их как должное, а затем поспешно поднял ученика на ноги.

— А-Сюань, запомни ещё одно: только отпустив, сможешь взять! Именно потому, что я сам не смог отпустить, я и не выковал Семицветный клинок...

Он хорошо знал Те Сюаня. Тот был прост и прямолинеен. С ранних лет он не видел ничего, кроме горна и наковальни. Именно эта чистота помыслов могла помочь ему достичь высот, недоступных самому наставнику. Но в этом же крылась и опасность: Те Сюань, лишённый защиты Мастера, мог легко затеряться в суетном мире. Старик вздохнул. Сердце человеческое — самая непостижимая вещь на свете, и он сделал всё, что было в его силах.

Те Сюань не совсем понял тревогу наставника, но накрепко запечатлел его слова в сердце.

Атмосфера в кузнице была странно тяжёлой. Все молчали, погружённые в свои думы.

Внезапно земля под ногами едва заметно дрогнула. Это не было похоже на землетрясение — не было той разрушительной силы, лишь мерный, нарастающий гул. Те Сюань нахмурился. В их деревеньке случались мелкие неурядицы, но никогда не было бедствий. Отчего же так дрожит почва?

— Беда, Великий мастер! Мародёры... Конные бандиты едут! — Снаружи донёлся исполненный ужаса крик, стремительно приближаясь к кузнице.

Старик замер на мгновение, но тут же властно взмахнул рукой, усмиряя начавшееся волнение:

— Гоуцзы, иди взгляни. Мы всегда жили в мире с окрестными бандами, они даже покупали у нас товар. С чего бы им нападать?

Те Гоу кивнул и размашистым шагом направился к выходу.

<http://bllate.org/book/17419/1648446>